

Лебедева В. Ю. Феномен суицида в русскоязычных рассказах В. Набокова / В. Ю. Лебедева // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 163—173. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-163-173.

Lebedeva, V. Yu. (2020). Phenomenon of Suicide in Russian Stories by V. Nabokov. *Nauchnyi dialog*, 12: 163-173. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-163-173. (In Russ.).

УДК 821.161.1Набоков.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-163-173

ФЕНОМЕН СУИЦИДА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ РАССКАЗАХ

В. НАБОКОВА

© Лебедева Виктория Юрьевна (2020), orcid.org/0000-0003-4124-5146, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и методики их преподавания, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина» (Елец, Россия), vikkktoria2@yandex.ru.

Представлены результаты анализа суицидальной проблематики в рассказах В. Набокова «Удар крыла», «Сказка», «Случайность», «Лик», «Оповещение», «Письмо в Россию», «Василий Шишков». Актуальность исследования обусловлена тем, что оно позволяет уточнить представления писателя о бытии и потусторонности. Утверждается, что суицидальные ситуации в рассказах схожи: персонажи идут на этот шаг в состоянии острого кризиса как результата длительного потворства слабостям и страстям (включая аддикции). Также отмечается проблема среды — несмотря на то, что герои окружены людьми, они пребывают в атмосфере непонимания и одиночества. Уделяется внимание и взаимоотношениям ряда персонажей с Богом и инфернальными силами (проводится, в частности, интертекстуальная параллель с романом «Бесы»). Доказывается, что суицид в подавляющем большинстве текстов — следствие метафизического распада героев, склонных к безответственности, потребительству, эскапизму, а в отдельных случаях — к богоборчеству. Заключается, что феномен суицида в русскоязычных рассказах Набокова лишен романтического и / или героического ореола — писатель осмысляет его в рамках европейско-христианской культуры.

Ключевые слова : аддикция; аллюзия; мистический дискурс; суицид; танатология; хронопот; эскапизм; В. В. Набоков.

1. Введение

Стремление к самоуничтожению, склонность к суициду — одна из самых загадочных и темных сторон человеческой психики. Добровольный уход человека из жизни затрагивает судьбы людей из его окружения, а на глобальном уровне, по справедливому заключению J. N. Ogbuanu, это вызов всем членам человеческого сообщества независимо от культуры, верований и мировоззрения («Suicide is a challenge to all members of the human community, irrespective of their culture, beliefs and world view») [Ogbuanu, 2014, с. 127]. В авраамических религиях он, как известно, считается тяжелейшим грехом. Вместе с тем в некоторых культурах суицид видится достойным выходом из постыдных или безнадежных ситуаций. Также не до конца ясен статус смерти по религиозным убеждениям и гибели из альтруистических соображений. Не удивительно, что такое неоднозначное явление продолжает оставаться темой моральной, философской и художественной рефлексии.

Цель статьи — анализ суицидальной проблематики в русскоязычных рассказах одного из самых знаковых европейских писателей XX века. Художественный мир В. Набокова исследуется на протяжении долгого времени, однако данная тема изучена недостаточно. Необходим целостный анализ суицидального дискурса в русскоязычной прозе писателя, поскольку он позволит уточнить его представления о бытии и потусторонности.

В фокус наших интересов попали рассказы «Удар крыла» (1923), «Случайность» (1924), «Сказка» (1925), «Письмо в Россию» (1925), «Оповещение» (1934), «Лик» (1938), «Василий Шишков» (1939).

2. Мистический подтекст суицидальной проблематики в рассказах В. Набокова

В большинстве текстов имеет место завершённый суицид, а в «Ударе крыла», «Случайности» и «Лице» персонаж осуществляет танатологический акт в финале, что даёт возможность говорить о некоей логической точке. В ряде случаев эта логика имеет инфернальные корни.

Наиболее ярко это проявилось в «Ударе крыла». А. Долинин справедливо уподобил ранние набоковские рассказы «творческой лаборатории», где отрабатываются приемы, отбираются характеры и совершенствуется поэтика [Долинин, 2004, с. 24]. В частности, в данном рассказе автор, впоследствии предпочитающий «непрямое высказывание», когда «религиозная тема уходит в подтекст» [Аверин, 2003, с. 314], позволил себе цитирование Библии и откровенный мистицизм, напрямую связанный с суицидальным дискурсом.

Тридцатипятилетний Керн, мучимый унынием после суицида жены (отравление из-за любовника-вора), приезжает на швейцарский курорт, но там его мрачная рефлексия усугубляется. Он понимает, что от *космических сквозняков* ему не укрыться, что *бездна дышит, всасывает: Вдали металлические вершины гор плавали в гробовом сиянии. Ему показалось, что он заглянул в смерть* [Набоков, 2004в, с. 41]. Есть основания полагать, что Набоков, создавая рассказ, вдохновлялся и «Господином из Сан-Франциско» (одним из «великих образов русского “мистического реализма”», по утверждению А. Злочевской [Злочевская, 2005, с. 8]), где «Атлантида» сравнена с громадным отелем. Однако Набоков идет дальше — Керн, в отличие от безмятного господина, застигнутого смертью за чтением газеты, воспринимает последние как *бумажное покрывало над бездной* [Набоков, 2004в, с. 39], а окружающее веселье начинает угнетать и злить его своей надуманностью.

В «Ударе крыла» затронута и такая проблема, как «табуирование смерти» (показанная в «Господине...»): оно еще больше угнетает потенциального суицидента, оказывающегося в скрытой оппозиции к окружению, а его тело, возможно, ожидает участь тела бунинского героя.

Однако если в «Господине...» смерть представлена воином-противником (агония описана как поединок), то в «Ударе крыла» она — партнерша по танцам (ведь герой сам ищет небытия). Набоков обыгрывает понятие «*dance macabre*»: сначала Керн замечает, что *какая-то бледная барышня <...> смотрит на него из-за журна-*

ла [Набоков, 2004в, с. 39] (бунинский персонаж умирает во время чтения газеты), а позже ему *пришлось танцевать с костлявой барышней* [Набоков, 2004в, с. 41]. Вроде бы речь идет о девушке, но автор оставляет словесный зазор (*костлявая*), то, что он, говоря о мастерстве Гоголя, назвал провалами и зияниями в ткани стиля, открывающими доступ в иррациональное.

В обоих текстах эксплицированы силы зла, но у Бунина дьявол — сторонний наблюдатель, а у Набокова они активно действуют (и главные герои контактируют с ними, недооценивая опасность). Первый — Монфиори, исследователь Библии (где наиболее симпатичен ему левиафан) и любитель соглядатайствовать за самоубийствами. Сомневаться в его человеческой природе заставляют соматические детали, особенно *козьи глаза*, способные «присасываться» к жертве (что заставляет вспомнить «Портрет» Н. Гоголя), и подозрительно обширные знания. Второй — «ангел»-инкуб, прилетающий к гостиничной обитательнице Изабель и позже убивающий ее в момент лыжного прыжка.

Рассказ пронизан аллюзиями на Библию и «Божественную комедию»: «Срединное положение между жизнью и смертью, реальностью и потусторонностью» персонажа, планирующего суицид и «пребывающего на грани “провала” в смерть, — это отсылка к Данте и к его путешествию по загробному миру, т. е. к посмертному бытию» [Бугаева, 2011, с. 666]. Расположение гостиницы в провале гор и ее открытость для сил зла заставляет предположить близость к аду ее самой и загробную участь Керна. Таким образом, проблема самоубийства в «Ударе крыла» осмысливается в аспекте «вертикали» и в рамках христианской культуры, показывая человека не столько автономно действующим субъектом, сколько объектом потустороннего влияния.

Монфиори, просчитав Керна, подталкивает его к роковому шагу, в чем ему помогает алкоголь — в нужный момент он спаивает жертву. В процессе козьеглазый персонаж, как бы оставляя выбор, начинает разговор о Боге и богах, за которыми угадываются демоны, а Керн признается в желании покончить с собой. Следом он, пьяный, обнаруживает якобы забытый ключ в номере манящей его Изабель (та его не ждала). Решив напоследок добиться ее расположения, Керн заходит, и вскоре туда же прилетает инкуб. Столкновение с ним надломило героя еще больше, а смерть Изабель в лыжном прыжке от удара невидимого крыла сломала окончательно: в финале он, ведомый Монфиори, идет, *как слепой* (не в последнюю очередь — духовно), в свой номер, где лежит пистолет.

Примечательно, что Керн идеализирует суицид, актуализируя проблему эскапизма (смерть видится ему *сном, гладким падением*), и идеализирует себя (до гибели Изабель): *А ведь человек, решившийся на самоубийство, — бог* [Набоков, 2004в, с. 52]. Здесь просматривается параллель с «Бесами», почти цитирование. *«Кто смеет убить себя, тот бог»* [Достоевский, 1990, с. 112], — говорит инженер-строитель Кириллов, самоубийца-философ, экстатик и визионер, страдающий от нерешенности дилеммы, проявляющейся в подспудной вере в Бога и Его отрицании (аналогичная дихотомия свойственна Керну). Сложное отношение Набокова к Достоевскому известно и рассматривается часто в ключе пародии. Однако О. Меерсон, к примеру, утверждает, что в случае Набокова пародия не гарантирует

нелюбовь к тому, что он пародирует («parody does not guarantee that he dislikes what he parodies») [Meerson, 1996, с. 20]. Керн, в отличие от Кириллова, более уравновешен, не мечтает о новом человеке и всеобщем преображении, будучи куда приземленнее: после суицида жены он *мстил Богу, любви, судьбе* связью с проституткой [Набоков, 2004в, с. 38]. Однако он обладает метафизической чувствительностью, позволяющей (вынуждающей?) ощущать *бездну*, что не занавесить *яркими лоскутками* — путешествиями, книгами, любовными романами. Это, с одной стороны, корреспондирует с мыслями Кириллова о жизни-боли, жизни-страхе, с другой — свидетельствует о большей глобальности мышления Керна, полагающего, что *люди выдумывают преступления, музеи, игры только для того, чтобы скрыться от неизвестного, от головокружительного неба* [Набоков, 2004в, с. 39].

Для героя Достоевского суицид утверждает превалирование идеи человекобога над идеей Богочеловека (равно как Керн осознает свои богоборческие интенции), и Н. Бердяев так осмысляет это: «Последнее слово крестной жертвы Христа есть жизнь, воскресение. Кириллов делает бессильный метафизический жест, он бессилён своей смертью смертью пограть, он бессилён победить время и перейти в вечность» [Бердяев, 1992, с. 10]. Накануне своего деяния он связывает себя обязательством перед мелкими «бесами» (Верховенским и пр.); Набоков идет дальше — в «Ударе крыла» демоны реальные. Так писатель расширяет проблематику, заявленную предшественником. Интертекстуальные параллели «Бесов» и «Удара крыла» заслуживают отдельного внимания, а пока отметим взаимосвязь идеи суицида с темной латентностью и богоборчеством. Это корреспондирует с мыслью Бердяева: «Самоубийца закупорен в своем “я”, <...> и вместе с тем он творит не свою волю, он не понимает сатанинской метафизики самоубийства» [Бердяев, 1992, с. 4].

На inferнальный генезис суицидальных настроений указано и в рассказе «Сказка», где обыгран сюжет сделки с дьяволом. Тайно похотливый юноша Эрвин, мечтающий собрать гарем, встречает готового подсобить искусителя под личиной пожилой госпожи Отт, имеющей, как и Монфиори, невзрачную внешность с зооморфными чертами, *тусклый* голос и ауру нечеловеческого равнодушия. В отличие от козьеглазого собрата, она сразу раскрывается и хвастает, что *довела до самоубийства нескольких молодых людей* [Набоков, 2009, с. 471]. Эрвина это не останавливает, несмотря на то, что, будучи юношей и идя с ней на сделку (условие которой — выбрать нечетное количество девушек до полуночи), он — в «группе риска». О. Титов пишет о двух вариантах развития будущего в рассказе, один из которых имплицитно: «Согласно религии, сделка с чертом не может принести человеку счастья. “Невинное развлечение” госпожи Отт <...> оказывается еще одной комбинацией, доводящей человека до самоубийства» [Титов, 2011, с. 143]. Монфиори и госпожу Отт можно назвать и мошенниками на доверии. Этот тип рассматривался В. Wylie на материале набоковских романов «Отчаяние» (1934), «Смех в темноте» (1938) и «Король, дама, валет» (1928), где, по мнению исследователя, нет невинных жертв, все хотят что-то урвать для себя, соглашаясь быть объектом манипуляции или активно манипулируя кем-то еще («All are out to get something for themselves, either by tacitly agreeing to be manipulated or by actively manipulating

someone else») [Wyllie, 2016, с. 11]. Такие выводы справедливы и по отношению к рассматриваемым персонажам — они весьма безответственны и склонны к потребительству. Керн «передал» себя в лапы Монфиори, но впоследствии хотел воспользоваться Изабель, равно как Эрвин, играючи пойдя на сделку с демоном, хотел сделать *невольницами* нескольких девушек. Мошенники и их объекты оказываются в чем-то подобными друг другу.

О. Титов сделал важное наблюдение о сходстве между главным героем и госпожой Отт — в списке ее жертв только мужчины, что наталкивает на предположение о ее гареме. Знаком уподобления выступают и финальные реплики — госпожа Отт эхом повторяет слова юноши: *жалко и все равно*. Подобное «отзеркаливание» есть и в «Ударе крыла», где Монфиори и Керна связывает уныние, а ангела и Изабель — похоть: предложение находится на любой спрос.

Таким образом, в обоих рассказах Набоков ставит и проблему демоноуподобления. В его дальнейших «суицидальных» текстах такую экспликацию заменит «непрямое высказывание».

3. Идея патологической зависимости в образе литературного персонажа

Рассказы «Случайность» и «Лик» объединяет проблема аддикции: суицидент из первого — кокаинист, из второго — алкоголик. Эмигрант Лужин — лакей в германском экспрессе, пять лет ничего не знающий о жене. Он, как и Керн, пребывает в лиминальном состоянии, метафорически передаваемом через образ качелей. Рассказ посвящен его роковой невстрече с ищущей его женой, едущей в том же поезде. Пересекая им мешают досадные мелочи, за которыми скрыта тайная закономерность, и в финале герой, следуя давнему плану, кладет голову между буферами поездов.

В рассказе проведена параллель «наркотик // суицид», и кокаин назван *ядом*, от которого *опустошалась душа* и в носу *появлялись тонкие язвы* [Набоков, 2004б, с. 62]. Если сначала Лужин, будучи под воздействием, рисовал план поиска жены (потом оказывавшийся бессмыслицей), то в дальнейшем он с той же тщательностью придумывает сценарий самоубийства: *И в этих подробностях он так запутывался, что о самой смерти забывал. Но, как только он начинал трезветь, тусклела прихотливая обстановка той или другой выдуманной гибели, — и было ясно только одно : жизнь оскудела вконец, и жить дальше незачем* [Набоков, 2004б, с. 62]. В душе героя-аддикта происходит смещение от полюса Эроса (чувства к жене) к полюсу Танатоса, и перевергыш символически «отпечатался» на лице — его сросшиеся брови сравнены с перевернутыми усами.

В «Лике» алкоголик Колдунов — родственник главного героя, эмигранта и малоизвестного актера. В России они учились вместе, и Колдунов, богатый двоечник и хулиган, третировал Лика. Потом, через много лет, они столкнулись на чужбине, и вид Колдунова выдал его нищету : *По всему видать было, что это лодырь, пропойца и хам* [Набоков, 2008б, с. 389]. Встречу с Ликом он воспринял как *знак, что не все еще погубило* [Набоков, 2008б, с. 388], однако она стала последней каплей: бывший мучитель, поняв, что и Лик не хочет иметь с ним дела, застрелился, надев новые ботинки, которые тот у него забыл. Когда-то посещение гимназии было для

главного героя *нелепым и невозможным страданием, а ночные мысли о том, как, наконец, он Колдунова убьет, только изнурили душу* [Набоков, 2008б, с. 386]. Зная финал, в этих строках можно усмотреть черную авторскую иронию.

В «Лике» акцент сделан на социальном аспекте и расплате. Открывая мысли суицидента в «Случайности», тут Набоков дает его «собрату» высказаться, и Колдунов подтверждает репутацию пройдохи и агрессора. Также О. Титов, исследовав элементы лексико-семантического поля «Вода», сгруппированные вокруг персонажа, пришел к выводу об имплицитной метафоре, сопоставляющей Колдунова «с чудовищем, всплывшим из бездны инобытия» [Титов, 2016, с. 173]. Ученый ассоциирует его с «внутренним демоном» из «персонального ада» Лика [Титов, 2016, с. 173]. Мы также полагаем, что Колдунов и сам может иметь какого-нибудь допельгангера, подобно Керну, Изабель и Эрвину. Маркером служит, например, его прозвище «Крокодил» — в мифологии рептилии ассоциируются с хтоническим. Также Колдунов назван *проходимцем* с лицом *сильно потрепанного* римского кесаря, поэтому нельзя исключать намек на кесаря Тиберия, в правление которого был распят Иисус Христос. При таком прочтении можно говорить о специфической духовной типажности и проблеме богоборчества.

Портреты суицидентов содержат и знаковые доминанты. У Керна акцентируется *конский* профиль — в мифологии данное животное нередко ассоциируется с агрессией и похотью, а сам профиль — половина лица, что знаменует лиминальное состояние между бытием и небытием. У Лужина — *серая* голова (наркотик разрушает сознание): в набоковской колористике так визуализируется аналогичный переходный статус. Кроме того, смерть видится герою возможностью *вычихнуть душу*: он словно мутирует, низводясь до носа (изъеденного кокаином), а душа в теле ассоциируется у него с болезнью. В портрете Колдунова выделены плохие зубы, а нижняя часть лица маркирована *тенью* (танатологичный образ в набоковском дискурсе). Соответственно, говорящие детали портрета аддикта сосредоточены вокруг «канала связи» с объектом зависимости.

4. Сходства и различия в «суицидальных» рассказах

В целом, говорить об особой эволюции мотива самоубийства не приходится. Накануне персонажи перешагивают «онтологический порог» — «точку онтологически напряженную», от которой «зависит рисунок бытия будущего, надвигающегося и одновременно вызревающего» в момент «преодоления порога» [Карасев, 2009, с. 26]. Некое обстоятельство оказывается финальным испытанием; персонаж его не проходит; его смерть связана с разрушением тела и типом зависимости (наркоман подставил голову под паровоз, алкоголик выстрелил в рот); посмертие не пугает, есть тяга к небытию; суицид — способ эскапизма; героем движет отчаяние. Коллизия вполне иллюстрирует слова Бердяева: «Самоубийство совершается в особую, исключительную минуту жизни, когда черные волны заливают душу и терзается всякий луч надежды» [Бердяев, 1992, с. 4].

Примечательно, что Лужин с Колдуновым — эмигранты, и Керн, возможно, тоже (Изабель он говорит, что у него родины нет). В этот ряд вписывается Михаил

из «Оповещения», упавший в пролет лифта с верхней площадки. О самоубийстве прямо не говорится, но авторские намеки прозрачны (а в примечании к сборнику «A Russian Beauty and Other Stories» (1973) Набоков указал на тематическую близость «Оповещения» и «Знаков и символов» (1948), где пожилые родители предположительно должны узнать об очередной попытке сына покончить с собой). Михаил чудовищно уставал на фабричной работе, и мотивом, как и в предыдущих рассказах, могло послужить отчаяние. Красноречив эпизод, где один из знакомых предлагает подготовить мать записями: «*Болен*»; «*Очень болен*»; «*Очень, очень болен*» [Набоков, 2006, с. 613]. Не исключено, что автор, любящий принцип троичности, так намекает на внутреннее состояние героя.

В отличие от предшествующих текстов (за исключением «Удара крыла», где сказано об отравившейся жене Керна), в «Оповещении» суицидент лишь упомянут, а главной героиней является его мать, которой знакомые должны сообщить страшную новость. Она выведена человеком мелких интересов, «фильтрующим» реальность (что символизирует образ слухового «аппаратика», который она выключала по желанию), — неслучайно автор назвал ее *небольшого формата дамой* [Набоков, 2006, с. 610]. Несмотря на доброжелательные отношения с сыном, полноценного контакта, видимо, у них не было. Другие суициденты тоже страдали от одиночества и непонимания: Керн — среди веселья на курорте, Лужин — среди сотрульников и пассажиров, Колдунов — в круг семьи.

С темой окружения связан и хронотоп: Керн убивает себя в гостиничном номере, Лужин — на вокзале, Колдунов — у себя дома на глазах жены и сына, Михаил, возможно, — на фабрике. Герои не ищут специальных локаций, не ритуализируют и не театрализируют акт смерти. Однако танатологическим хронотоп становится не после их деяний — он уже имеет мортальные признаки. А. Демичев писал о некропространствах: «Смерть выставляет нам своих заместителей-пособников — многочисленные следы, знаки, символы, симулякры, картирующие местность, взятую под контроль» [Демичев, 1998, с. 51]. Некропространство не всегда бывает физическим, оно может быть таковым на духовном уровне — в том числе из-за влияния потусторонних сил, эксплицированных в «Ударе крыла» и, возможно, имплицированных в других текстах. Например, паровоз, который убивший Лузина, *нагрязнул <...> одним жадным скоком* [Набоков, 2004б, с. 69], а Лик, из-за болезни постоянно готовый к смерти (которую, как и его ботинки, «забрал» себе Колдунов), ощутил близость сердечного припадка *так, словно навстречу ему был навставлен невидимый кол, на который он вот-вот наткнется* [Набоков, 2008б, с. 395].

Несколько особняком стоит «Письмо в Россию» — там внутренний мир самоубийцы не исследуется, история дамы — фон. Рассказывая женщине из прошлого о своей нынешней жизни, герой-повествователь описывает и случай повешения старушки-эмигрантки на могильном кресте мужа: *Взглянув на ниточки* (от веревки. — В. Л.), *на ямки* (от каблуков. — В. Л.), *я вдруг понял, что есть детская улыбка в смерти* [Набоков, 2004а, с. 162]. Саму эту смерть он назвал *легкой и нежной*, хотя несложно догадаться, что женщиной руководило отчаяние (что вписывает ее в ряд набокских суицидентов). Такое восприятие реальности рассказчиком,

с учетом финала, можно интерпретировать как несколько судорожную попытку быть счастливым вопреки всему. «Письмо в Россию» — один из примеров того, как в набоковских произведениях ностальгия и / или эстетика могут возобладать над этикой — включая авторскую.

Появлению последнего рассказа, «Василий Шишков», читатели обязаны мистификации: под таким псевдонимом Набоков выступил как поэт, чтобы спровоцировать похвалу Г. Адамовича. В финале Василий, жаждущий покинуть этот мир, полный, с его слов, *страдания, крестинизма, мерзости*, исчезает — рассказчик предполагает, что он растворился в собственных стихах. Интересны слова Шишкова о суициде — он не рассматривал его как способ: *Мне так отвратительна смертная казнь, что быть собственным палачом я не в силах, да кроме того боюсь последствий, которые и не снились любомудрию Гамлета* [Набоков, 2008а, с. 412]. В отличие от предыдущих текстов, тут нет суицидента, а есть оценка данного шага героем скорее положительным (хотя тоже эскапистом). Нельзя исключать тут выражения авторской позиции, и ключевыми явлены идея самоубийства как преступления против жизни, идея бессмертия и идея загробного воздаяния. К слову о казни — один из самых ярких набоковских протагонистов Цинциннат Ц., напротив, оказывается приглашенным на свою собственную, однако лиминальная ситуация предсмертия не надламывает его, а делает художником — смерть возводится «в моторную творческую силу» [Buhks, 1994, с. 825], а в финале преодолевается через воскрешение.

5. Заключение

Затронутая в настоящей статье область исследования творчества В. Набокова весьма перспективна, поскольку и танатология Набокова, и мотивная структура его произведений, и интертексты изучены недостаточно. Такого рода изыскания являются также научным вкладом в литературоведческую танатологию, среди задач которой, как отмечает один из ее теоретиков Р. Красильников, — изучение соответствующей проблематики на всех уровнях произведения, «выявление и классификация танатологических концепций» в пространстве мировой литературы, «трансляция литературного опыта осмысления смерти» из литературы в другие области знания, и наоборот [Красильников, 2015, с. 14].

Итак, набоковские персонажи-суициденты выбирают такой путь из-за тяжелого душевного состояния вследствие постепенного внутреннего разрушения. Также отчетливо звучит проблема окружения — мучимые отчаянием, герои не встречают понимания среди близких и знакомых, а Керн из «Удара крыла» пребывает в атмосфере табуирования смерти — неслучайно текст имеет переключки с «Господином из Сан-Франциско» И. Бунина.

Есть основания полагать, что сам акт суицида писателю, неоднократно выражавшему идею бессмертия и сохранения сознания за пределами терминального порога, не видится выходом и финальной точкой, так как за этой гранью находятся посмертные мучения. В. Набоков, будучи наследником традиций Данте Алигьери, Ф. Достоевского, Н. Гоголя и т. д., в ряде текстов осмысляет проблему самоубийства и в аспекте взаимодействия человека с высшими и inferнальными силами.

Соответственно, восприятие писателем феномена суицида в означенный период творчества лишено романтического и / или героического ореола и вполне укладывается в рамки европейско-христианской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверин Б. В.* Дар Мнемозины : романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции / Б. В. Аверин. — Санкт-Петербург : Амфора, 2003. — 399 с. — ISBN 5-94278-471-X.
2. *Бердяев Н. А.* О самоубийстве : психологический этюд / Н. А. Бердяев. — Москва : МГУ, 1992. — 23 с.
3. *Бугаева Л. Д.* Набоков и Данте / Л. Д. Бугаева // Данте : pro et contra : личность и наследие Данте в оценке русских мыслителей, писателей, исследователей. — Санкт-Петербург : Издательство РХГА, 2011. — С. 665—676.
4. *Демичев А. В.* Deathнейленд / А. В. Демичев // Фигуры Танатоса : искусство умирающих. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1998. — С. 51—57.
5. *Долинин А.* Истинная жизнь писателя Сирина / А. Долинин // Набоков В. В. : русский период : собр. соч. в 5 т. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2004. — Т. 2. — С. 9—25.
6. *Достоевский Ф. М.* Бесы / Ф. М. Достоевский // Достоевский Ф. М. : собр. соч. в 15 т. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1990. — Т. 7. — 847 с.
7. *Злочевская А. В.* Роль мистико-религиозного подтекста в рассказе И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» / А. В. Злочевская // Русская словесность. — 2005. — № 5. — С. 7—15.
8. *Карасев Л. В.* Флейта Гамлета : очерк онтологической поэтики / Л. В. Карасев. — Москва : Знак, 2009. — 208 с. — ISBN 978-5-9551-0308-2.
9. *Красильников Р. Л.* Эпистемологические проблемы гуманитарной танатологии / Р. Л. Красильников // Мортальность в литературе и культуре : сб. науч. трудов. — Москва : Новое литературное обозрение, 2015. — С. 7—17.
10. *Набоков В. В.* Василий Шишков / В. В. Набоков // Русский период : собр. соч. в 5 т. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2008а. — Т. 5. — С. 407—413.
11. *Набоков В. В.* Лик / В. В. Набоков // Русский период : собр. соч. в 5 т. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2008б. — Т. 5. — С. 376—396.
12. *Набоков В. В.* Оповещение / В. В. Набоков // Русский период : собр. соч. в 5 т. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2006. — Т. 3. — С. 610—615.
13. *Набоков В. В.* Письмо в Россию / В. В. Набоков // Русский период : собр. соч. в 5 т. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2004а. — Т. 1. — С. 159—162.
14. *Набоков В. В.* Сказка / В. В. Набоков // Русский период : собр. соч. в 5 т. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2009. — Т. 2. — С. 469—480.
15. *Набоков В. В.* Случайность / В. В. Набоков // Русский период : собр. соч. в 5 т. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2004б. — Т. 1. — С. 61—69.
16. *Набоков В. В.* Удар крыла / В. В. Набоков // Русский период : собр. соч. в 5 т. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2004в. — Т. 1. — С. 35—54.
17. *Титов О. А.* Лексико-семантическое поле «вода» в рассказе В. Набокова «Лик» / О. А. Титов // Филологические науки : вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2016. — № 9 (63). — С. 171—173.
18. *Титов О. А.* Образ времени в рассказе В. Набокова «Сказка» / О. А. Титов // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи : сб. статей в 2 ч. — Ярославль : Изд-во ЯГПУ. — 2011. — С. 136—147.
19. *Buhks N. A.* Scaffold in the Crystal-Palace — On the Novel «Priglasenie na Kazn» by Nabokov V. / N. A. Buhks // Cahiers du Monde russe. — 1994. — Vol. 35. — Iss. 4. — P. 821—838.

20. Meerson O. Vladimir Nabokov's Transformations of Dostoevskij in The Defense : Zaščita Lužina or Zaščita Dostoevskogo / O. Meerson // Zeitschrift für Slavistik. — 1996. — 41(1). — P. 20—33.
21. Ogbuanu J. N. The Problem of Cultural Stereotyping in the Pastoral Care of a Suicidal Person / J. N. Ogbuanu // Acta Theologica. — 2014. — Vol. 34. — Iss. 1. — P. 127—144.
22. Wyllie B. Shape-Shifters, Charlatans, and Frauds : Vladimir Nabokov's Confidence Men / B. Wyllie // The Cambridge Quarterly. — 2016. — Vol. 45. — Iss. 1. — P. 1—19.

PHENOMENON OF SUICIDE IN RUSSIAN STORIES BY V. NABOKOV

© Victoria Yu. Lebedeva (2020), orcid.org/0000-0003-4124-5146, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Methods of Their Teaching, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Bunin Yelets State University” (Yelets, Russia), vikkktorija2@yandex.ru.

The results of the analysis of suicidal issues in the stories of V. Nabokov “Blow of a Wing”, “Fairy Tale”, “Accident”, “Lycus”, “Notification”, “Letter to Russia”, “Vasily Shishkov” are presented in the article. The relevance of the study is due to the fact that it makes it possible to clarify the writer's ideas about being and the otherworldly, as well as to contribute to the development of such an interdisciplinary branch of scientific knowledge as thanatology. It is argued that the suicidal situations in the stories are similar: the characters take this step in a state of acute crisis as a result of long-term indulgence of weaknesses and passions (including addictions). The problem of the environment is also noted — despite the fact that the heroes are surrounded by people, they are in an atmosphere of misunderstanding and loneliness. Attention is also paid to the relationship of a number of characters with God and infernal forces (in particular, an intertextual parallel with the novel “Demons” is drawn). It is proved that suicide in the overwhelming majority of texts is a consequence of the metaphysical disintegration of heroes prone to irresponsibility, consumerism, escapism, and in some cases - to the fight against God. It is concluded that the phenomenon of suicide in Russian-language Nabokov's stories is devoid of a romantic and / or heroic halo — the writer comprehends it within the framework of European-Christian culture.

Key words: addiction; allusion; mystical discourse; suicide; thanatology; chronotope; escapism; V. V. Nabokov.

REFERENCES

- Averin, B. V. (2003). *Dar Mnemosiny: romany Nabokova v kontekste russkoy avtobiograficheskoy traditsii* [Gift of Mnemosyne: Nabokov's novels in the context of the Russian autobiographical tradition]. Sankt-Peterburg: Amfora. 399 p. ISBN 5-94278-471-X. (In Russ.).
- Berdyayev, N. A. (1992). *O samoubiystve: psikhologicheskij etyud* [About suicide: a psychological study]. Moskva: MGU. 23 p. (In Russ.).
- Bugaeva, L. D. (2011). Nabokov i Dante [Nabokov and Dante]. *Dante: pro et contra: lichnost' i nasledie Dante v otsenke russkikh mysliteley, pisateley, issledovateley* [Dante: pro et contra: personality and legacy of Dante in the assessment of Russian thinkers, writers, researchers]. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo RKhGA. 665—676. (In Russ.).
- Buhks, N. A. (1994). Scaffold in the Crystal-Palace — On the Novel «Priglasenie na Kazn» by Nabokov V. *Cahiers du Monde russe*, 35(4): 821—838.
- Demichev, A. V. (1998). Deathneylend [Deathneiland]. *Figury Tanatosa: iskusstvo umiraniya* [Figures of Thanatos: the art of dying]. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGU. 51—57. (In Russ.).
- Dolinin, A. (2004). Istinnaya zhizn' pisatelya Sirina [The true life of the writer Sirin]. *Nabokov V. V.: russkiy period: sobr. soch. v 5 t.* [Nabokov V. V.: russian period: collected works in 5 vol.]. Sankt-Peterburg: Simpozium. 2: 9—25. (In Russ.).

- Dostoevskiy, F. M. (1990). Besy [Demons]. *Dostoevskiy, F. M.: sobr. soch. v 15 t.* [Dostoevskiy, F. M.: collected works in 15 vol.]. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie. 7: 847 p. (In Russ.).
- Karasev, L. V. (2009). *Fleyta Gamleta: ocherk ontologicheskoy poetiki* [Flute of Hamlet: a sketch of ontological poetics]. Moskva: Znak. 208 p. ISBN 978-5-9551-0308-2. (In Russ.).
- Krasilnikov, R. L. (2015). Epistemologicheskie problemy gumanitarnoy tanatologii [Epistemological problems of humanitarian thanatology]. *Mortalnost' v literature i kul'ture: sb. nauch. trudov* [Mortality in literature and culture: collection of articles scientific works.]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. 7—17. (In Russ.).
- Meerson, O. (1996). Vladimir Nabokov's Transformations of Dostoevskij in The Defense: Zaščita Lužina or Zaščita Dostoevskogo. *Zeitschrift für Slawistik*, 41 (1): 20—33.
- Nabokov, V. V. (2004a). Pis'mo v Rossiju [Letter to Russia]. *Russkij period: sobr. soch. v 5 t.* [Russian period: collected works in 5 vol.]. Sankt-Peterburg: Simpozium. 1: 159—162. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (2004b). Sluchaynost' [Accident]. *Russkij period: sobr. soch. v 5 t.* [Russian period: collected works in 5 vol.]. Sankt-Peterburg: Simpozium. 1: 61—69. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (2004v). Udar kryla [Blow of the wing]. *Russkij period: sobr. soch. v 5 t.* [Russian period: collected works in 5 vol.]. Sankt-Peterburg: Simpozium. 1: 35—54. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (2006). Opoveshchenie [Notification]. *Russkij period: sobr. soch. v 5 t.* [Russian period: collected works in 5 vol.]. Sankt-Peterburg: Simpozium. 3: 610—615. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (2008a). Vasilij Shishkov [Vasily Shishkov]. *Russkij period: sobr. soch. v 5 t.* [Russian period: collected works in 5 vol.]. Sankt-Peterburg: Simpozium. 5: 407—413. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (2008b). Lik [Face]. *Russkij period: sobr. soch. v 5 t.* [Russian period: collected works in 5 vol.]. Sankt-Peterburg: Simpozium. 5: 376—396. (In Russ.).
- Nabokov, V. V. (2009). Skazka [Fairy tale]. *Russkij period: sobr. soch. v 5 t.* [Russian period: collected works in 5 vol.]. Sankt-Peterburg: Simpozium. 2: 469—480. (In Russ.).
- Ogbuanu, J. N. (2014). The Problem of Cultural Stereotyping in the Pastoral Care of a Suicidal Person. *Acta Theologica*, 34(1): 127—144.
- Titov, O. A. (2011) Obraz vremeni v rasskaze V. Nabokova «Skazka» [The image of time in V. Nabokov's story «Tale»]. *Semantika i funkcionirovanie yazykovykh edinit v raznykh tipakh rechi: sb. statej v 2 ch.* [Semantics and functioning of linguistic units in different types of speech: collection of articles in 2 parts]. Yaroslavl: Izd-vo YaGPU. 136—147. (In Russ.).
- Titov, O. A. (2016). Leksiko-semanticheskoe pole «voda» v rasskaze V. Nabokova «Lik» [Lexico-semantic field «water» in V. Nabokov's story «Face»]. *Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences: questions of theory and practice]. Tambov: Gramota, 9 (63): 171—173. (In Russ.).
- Wyllie, B. (2016). Shape-Shifters, Charlatans, and Frauds: Vladimir Nabokov's Confidence Men. *The Cambridge Quarterly*, 45(1): 1—19.
- Zlochevskaya, A. V. (2005) Rol' mistiko-religioznogo podteksta v rasskaze I. A. Bunina «Gospodin iz San-Frantsisko» [The role of mystical-religious subtext in the story of I. A. Bunin «The Lord from San Francisco»]. *Russkaya slovesnost'* [Russian literature], 5: 7—15. (In Russ.).